

Ярослав Лейн

РУИНЫ ЭГО.
АЛМАЗНОЕ
ОТРИЦАНИЕ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
Л42

Лейн, Я.

Л42 Руины эго. Алмазное отрицание / Я. Лейн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 474 с. (Руины эго).

ISBN 978-5-517-12366-4

После судьбоносной встречи с отъявленным злодеем молодой охотник по имени Ним Кёнэ встает на тяжелый и опасный путь. Он знакомится с устройством мира Ноландира, заводит новых друзей, влюбляется, ищет ответ на самый важный для него вопрос: «Кто я?». Многочисленные битвы, магические тайны и дворцовые интриги всюду сопровождают юного охотника, совершенствуя его навыки, закаляя характер, превращая заурядного юношу в героя с божественной силой. Однако, достоин ли он этой силы? Время покажет.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-12366-4

© Ярослав Лейн, текст, 2024
© Даниил Валленштайн,
художественное оформление, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ДОПОДЛИННО НЕИЗВЕСТНО, СКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД

Она стояла лицом к штормовому барьеру и ощущала первородную мощь. Внутри гигантской восходящей волны, простирающейся до небес и опоясывающей планету, неистово били молнии. Голубые вспышки отражались в глазах рыжеволосой женщины, а морозь, разносимая порывами ветра, разбивалась о ее мелкие аккуратные морщины.

«Старший брат ослеплен своей властью, но я вижу их насквозь. Всех до единого. Они не достойны, они — чумная болезнь. Младший слишком увлечен своими солдатами, чтобы мыслить здраво. Хотя, это только на руку. Но вот сестра... Она что-то подозревает. Маленькая дрянь, которая вечно права».

Песок на берегу вдруг зашуршал, предвещая неприятный разговор. Первенец всегда ревностно следил за своей землей и неустанно выискивал чужаков, определяя их судьбу по поступкам и собственной прихоти.

— Что ты здесь делаешь, Нэсси? — его загробный голос сковывал сердца ледяными оковами.

— Зашла в гости. Разве это плохо?

— Лицемерие тебя не красит.

Старший брат был примером безграничной власти и могущества. Разве что отец мог преподать ему урок.

Перед ним Анэйтис чувствовала себя жалкой, однако была уверена, что это чувство не продлится вечно. Мир переменчив, как переменчива и ее семья, расстановка сил в которой может обрушиться при должном уровне терпения.

Высокий, статный и седовласый брат шагнул ей навстречу и прошептал свою волю. Внутренний голос велел женщине изобразить пируэт и расправить руки в знак напыщенного уважения. Ее пальцы коснулись штормового барьера, и тот обрушился на с виду хрупкое тело десятикратный разряд молний, после кото-

рого от обычного человека остался бы один лишь прах. Брат с упоением наблюдал за страданиями сестры, наводя на нее ужас пустыми, черными, как ночь, глазницами. И только сполна насладившись агонией, он вернул ей власть над своим телом, а заодно и свои глаза на законное место.

— Богине жизни не престало бесцельно слоняться по миру. У нас слишком мало времени. Надо успеть больше, чем ты думаешь.

Она раздраженно закатила глаза.

— Я лишь хотела...

— Иди домой, Нэсси. У тебя есть обязанности. Когда мне будет нужно, я сам тебя найду.

— Я хотела только спросить.

Анэйтис дождалась, пока ей неохотно сделали одолжение, и продолжила:

— Мы расскажем остальным? Про наш план и про барьер.

— Нет. Они не поймут. Стоит ли мне напоминать о последствиях твоего непослушания? — грозный взгляд брата уперся в робкую гримасу. — Больше всего мне не хотелось бы забрать и тебя. Ступай. И даже не вздумай предать меня.

Мужчина в плаще исчез так же внезапно, как и появился, превратившись в сине-серое облако дыма. Ветер подхватил облако и понес вдоль обширных земель Ветрейна, где немногим чаще, чем обычно, умирали люди.

«Уже предала, старший брат, — вздохнула Анэйтис, лаская в руке крохотную молнию. — Никто из вас не знает людей лучше, чем я, и потому только мне судить их».

Глава 1. Перемены

Ним неумолимо приближался к охотничьим угожьям, изредка замедляясь, чтобы позволить ушам насладиться мелодией леса. Особенно ему нравилось слушать серенады певчих птиц, где одна, наиболее голосистая, держала речь, а другие под конец поддакивали или же робко возражали. Ветер выступал в роли дирижера, то приглушая, то раззадоривая звучание, что в купе с шумом и всплесками водопада отражало гармонию природы. Такой оркестр часто наблюдался близ маленького городка, и двадцатилетний юноша пользовался помощью леса во время охоты.

Не дойдя до ориентира, он вдруг остановился. Рядом с тропой лежал мертвый сычонок. Ним разворотил достаточной глубины ямку и присыпал птенца землей, после чего с чувством выполненного долга скрылся меж деревьев.

На вершине холма охотник слышал едва различимый шорох ветвей. Он доносился с подветренной стороны и определенно принадлежал крупной добыче. День благоволил Ниму. Солнце еще не достигло надира, когда он пустился в погоню вниз по склону холма. Шелест деревьев прикрывал спешную поступь охотника, который неумолимо приближался к месту вырубки. От нее до соседнего поселения рукой подать. Неужто животное само гонит себя на убой?

Стрела плавно скользнула вдоль рукоятки самодельного лука и легла на большой палец. Нет. Слишком далеко. Нужно подойти ближе. На свой страх и риск Ним окольными путями сократил расстояние до невозможности. Дальше только стрельба в чистом поле. Обзор оставлял желать лучшего, но другого момента может не представиться. Сделав поправку на ветер и раскидистые ветви, охотник бережно обхватил хвостовик.

«Раз. Два. Три. Четыре».

Ним бил без промаха с пятидесяти йот¹ и в этот раз не промахнулся. Древяшко вошло глубоко в грудь, покрытую теплым мехом. Не смертельная рана, но охотник благородно избавил живое существо от страданий.

Молодой пятнистый олень имел при себе скромные панты длиной в половину предплечья. Весил он порядка полутора йот², а потому после спринта по склону холма охотнику потребовался отдых, прежде чем водрузить обескровленную тушу на плечи и взять обратный курс.

— Бывает, друг, — сказал он оленю. — Сам понимаешь — пищевая цепь и все в этом духе. Природой так задумано.

В дни, когда Ниму улыбалась удача, с него сходило семь потов по пути домой. Во многом потому, что сам он был весьма щуплым по сравнению с типичным жителем Брока. Делая частые передышки, юноша обогнул холм с запада и вышел на знакомую тропу. Тропа петляла по западному склону холма, но в итоге неизбежно вела к горному водопаду.

Преодолевая усталость, юноша упорно переставлял ноги по изрезанной корнями земле. В такие моменты он жалел, что еще ребенком был недостаточно усерден в поедании пищи. Однако, с другой стороны, похвалил себя за отточенную годами проворность. Все благодаря отцу, который своим примером хромого каляки вдохновлял мальчика бегать и прыгать за двоих.

В горле так пересохло, что казалось, Ним рассыпется изнутри, если не приложится к фляге. С облегчением свалив тушу к могучей сосне, охотник коснулся пустой поясной лямки и выругался себе под нос.

Он обречен засохнуть до смерти.

До реки около пятидесяти йот, но это уж совсем крайняя мера, а потому глаза Нима потянулись вдаль, прошерстили каждый

¹ Йот — мера длины, равная длине тела Йота, равная ста восьмидесяти сантиметрам.

² Йот — единица массы, равная массе тела Йота, что равна восьмидесяти килограммам.

куст и наткнулись на малиновый оазис. Уже ощущая сладкий вкус на губах, охотник зачарованно побрел вглубь леса и затерялся в зелено-рубиновых зарослях. Когда сок хлынул из размозженных ягод, живот стал требовать еще. Одна за другой ягоды пропадали в жадном человеческом чреве, пока его хозяин не наткнулся на властителей леса.

По ту сторону куста лакомились малиной трое медвежат. Тремя парами угольков они смотрели на двуногого гиганта и заворуженно причмокивали.

«Бежать!», — кричал здравый смысл.

«Посмотреть», — предложил интерес.

«Погладить», — пролепетало умиление.

«Мы все умрем», — вынес вердикт пессимизм.

— Спокойно, парни, — обратился Ним к медвежатам, обратив к ним ладони. — Не шумите. Я ухожу, вы остаетесь. Все. Не надо за мной ходить. Эй, не надо. Кыш!

Самый смелый медвежонок остановился и уперся мохнатой попой в собратьев. Волшебное «кыш» сдерживало маленьких косолапых, и неожиданная встреча обещала завершиться благополучно, как неподалеку раздался томный рев.

Медведица была совсем рядом. Она почуяла человека, водила носом по воздуху и вот, наконец, обнаружила его. Нима бросило в холодный пот. Он выбралил самого себя и медленно начал отступать к водопаду, как вдруг медведица встала на задние лапы и, бешено взревев, сотрясла землю.

«Однозначно бежать!»

Животный страх придал Ниму сил, раздувая легкие словно шквальный ветер парус. Неистовый стук в висках заглушал не только звук падающей воды, но и собственного бега. Охотник затылком чувствовал приближение зверя. По всему телу пробежали мурашки, выступил холодный пот. Вдруг, прямо за спиной снова раздался рев, еще более устрашающий, чем предыдущий.

Считанные мгновения отделяли настоящего охотника, хозяина леса, от его жалкой пародии. Каждый шаг давался юноше сквозь титанические усилия, и, казалось, бег только замедляется.

Но вот впереди обрыв. Что дальше? Когда Ним рванул к водопаду, он не задумался о том, выживет ли после падения.

Прыгать? Шансов мало.

Удирать по земле? Шансов нет.

В голове вспышкой возникли очертания водопада, его уступы. Ним наспех прикинул траекторию полета и выбрал подходящий угол в полной готовности совершить прыжок жизни и смерти.

Однако план этот с грохотом провалился.

Ним неуклюже зацепился за торчащий корень и, сорвавшись с края обрыва, стремительно полетел на каменистое русло реки. Тело охотника встретило на пути два уступа, перекрутилось в воздухе, словно волчок, прежде чем рухнуть на валуны, прикрываемые вспененным потоком воды. Нима буквально размазало по одному из камней, а его ноги безжизненно болтались в реке.

Бурное течение стремилось избавиться от попавшей в него грязи. И тем не менее, ощущая неотвратимое погружение, охотник улыбнулся окровавленному рту. Это все, на что хватало сил. Ним не мог пошевелить ни ногой, ни рукой — ужасная боль пронзала его. Вскоре охотник погрузился в холодную воду с головой. Жизнь внутри него взбунтовалась, содрогнулась и выбросила юношу на ближайшую прибрежную отмель.

Правая половина лица жгуче пульсировала, а правый глаз наливался кровью из разбитой брови.

«Почему я не умер? — Ним осмотрел место падения и скорчился от боли. — Ай! Ну и ладно. Хотя, лучше бы умер. Все так болит...»

Пролежав на отмели еще некоторое время, он задумался о возвращении домой. К тому моменту стало намного лучше, но любое неловкое движение сопровождалась мучительными страданиями. Проверенная дорога в Брок находилась на другой стороне реки, вследствие чего Ниму пришлось перебираться по цепочке возвышающихся булыжников.

Несмелой поступью он преодолел полпути, надеясь на остатки нетронутой ловкости. Но, тем не менее, стопа его соскользнула с мокрого булыжника, и юноша снова упал в воду, едва не разбив вторую половину лица. Чудно. Рука нащупала на каменистом

дне нечто совсем не похожее на камень или даже отсырелую деревяшку. Металлический предмет странной формы возбудил интерес в пытливой голове, что напрочь забыла о боли.

Уже стоя на твердой земле на противоположном берегу, Ним рассмотрел вещицу. В ладони ютился амулет, напоминающий воздушного змея, в центре которого красовался сапфир восьмиугольной огранки. Амулет с одного конца имел заостренный хвост, а с другого просматривались выгравированные символы. То был неизвестный Ниму язык, что само по себе доказывало невообразимую ценность вещицы.

«Эта штука обязана быть непростой. Что-то в ней есть. Викс оценит».

Миновав извилистую дорогу и грезя о скрытых возможностях артефакта, Ним преодолел большую часть пути домой. Едва он ступил на мост через реку, как тут же убрал амулет подальше. Кишащий людьми город встретил его обеденной суетой.

Брок — город, каких много: маленький, тихий, со своими заботами и бедами. Была в нем и определенная изюминка, во многом относящаяся к местным достопримечательностям. На первый взгляд заурядная кованая ограда в самом центре города, длиною два с половиной йота, собирала подле себя всех горожан при определенных обстоятельствах. Поддержание остроты ее пиков входило в обязанности брокского кузнеца, а по совместительству палача. Специальные помосты стояли прямо перпендикулярно пикам и содержали в себе маятниковый механизм и длинный вертикальный брусок, к которому привязывали осужденного за запястья. Механизм приводили в движение рычагом, и связанный преступник падал на острейшие прутья. Данный способ намеренного умерщвления был разработан самым известным плотником Брока, и для показательных казней подходил как нельзя лучше.

Шагая по главной улице с кислой миной, Ним услышал самый раздражающий голос в мире.

— Что, охотник, поохотился? — загоготал наискось постриженный главарь местных задир.

— Отвали, Марик.

— Хэ-хэ! Чего-то он злой и побитый. Видать, олениха не дала стрелять. Верно, парни? Хэ-хэ! Не дала!

Во время смеха он брызгал пенистой слюной, что только прибавляло к нему отвращения.

Когда-то давно Марик и его шайка доставали Нима и его лучшего друга, Викса, отвешивая обоим подзатыльники и пинки. Но всякому терпению приходит конец, и однажды Ним поставил задире огромный и яркий фингал. С тех пор он бросает свои реплики издалека, а страх получить стрелу в бок надежно сдерживает Марика от телесных издевательств.

— Гляньте, он весь сырой. Наверняка обмочился сверху до низу! Поэтому Анна от него и сбежала, хэ-хэ!

Свора издевательски захохотала под статью Марику.

Не проронив ни слова, Ним с каменным лицом миновал шайку дураков. По узким улочкам он проскользнул мимо оживленной толпы и с грузом тысячелетия толкнул входную дверь.

Запах домашней стряпни создавал уют в доме. Несмотря на многочисленные хлопоты во дворе, Лулу Кёнэ всегда содержала жилище в чистоте.

Первым делом юноша поднялся на любимый чердак и, прежде чем запрыгнуть в чистую одежду, оценил масштаб трагедии. Рукоятка лука в месте сочленения с плечом треснула, что сделало его абсолютно непригодным. О стрелах и говорить не стоит — добрая треть пойдет на растопку. Было бы на теле юноши больше синяков вместо поломки лука, он был бы только рад.

— Ты дома?! — крикнула с лестницы мать.

— Конечно! Я никуда и не уходил.

— Да не ты, Матиас! Сын.

— Он тоже дома, — ответил отец, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

Хозяйка упорхнула на кухню, напевая весенние песенки и прибаутки.

— Он как раз вовремя! — весело пропела Лулу. — Как знала, что вернется раньше, чем обычно. Материнское сердце не обманешь. Сейчас все накрою!